

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Ключевые слова: гибридная война, иррегулярные военные действия, обычная война, партизанская и антипартизанская война, сетцентричная и платформенная война, электронно-огневой бой, революция в военном деле, психологические операции

Аннотация: «Гибридная война» рассматривается в статье не как абсолютно «новый» тип войны, а как переходный этап, который совпал со сменой поколений войн. Автор предлагает выйти за рамки сочетания регулярных и нерегулярных методов ведения войны, которое само по себе не несет особой новизны, и попытаться уловить тот инновационный потенциал, который содержится в современном понятии «гибридная война» и отчасти объясняет широкое распространение этого термина в настоящее время.

Keywords: hybrid war, irregular warfare, conventional war, insurgency and counterinsurgency, network-centric and platform-based warfare, electronic warfare, Revolution in Military Affairs, psychological operations

Abstract: The article treats “hybrid war” as an interim stage of transition from one generation of wars to another rather than an absolutely “new” type of warfare. The author suggests to go beyond the combination of regular and irregular warfare which is hardly new and instead try to capture the innovative potential that is contained in the modern notion of “hybrid war” and partly explains the wide spread of this term today.

*"Война - это насильственное действие,
которое направлено на подчинение
противника своей воле".*

Карл фон Клаузевиц

I.

Сегодня так называемая *гибридная война* – один из наиболее часто употребляемых и остро дискуссионных терминов в области конфликтной аналитики и военной конфликтологии. И это несмотря на то, что он, собственно говоря, обозначает достаточно традиционный феномен использования в военных действиях как регулярных, так и нерегулярных сил и средств. В военной истории можно найти массу примеров совместного или параллельного использования и даже частичной взаимозаменяемости регулярных и нерегулярных действий. Противник, как правило, подверженный атаке и потерявший часть собственной

территории или вынужденный прибегнуть к освободительной борьбе, не имея больших средств, сформированных структур и стабильной системы безопасности, выбирает иррегулярные военные действия (ИВД) как асимметричный метод противостояния. Иногда при таких действиях политические и военные структуры, а также их гибкость настолько высока, что грань между регулярными и иррегулярными действиями становится размытой и условной.

В военной лексике термин «иррегулярная война» впервые использовал полковник английской армии Чарльз Коллуэл.¹ Российский военный теоретик Е.Э.Месснер в своей работе «Хочешь мира, победи мятежевойну!» ввел и описал категорию «нестандартной войны», в И.Г.Старинов, которого называли дедушкой советского спецназа, в своей работе «Партизанская война» писал, что современные вооружённые конфликты будут проходить в форме локальных столкновений с преобладанием тактики партизанских действий. В дальнейшем это понятие обосновывалось в американских военных документах.² Войны могут быть переходные, смешанные, но с акцентом на иррегулярные военные действия. В американской военной элите и сегодня преобладает мнение о том, что такие боевые действия нельзя рассматривать отдельно от обычной войны и военных действий,³ а ведение ИВД на войне – это постоянное явление, которое само по себе не гарантирует успеха.⁴ Если армия, ведущая ИВД, не может, в случае необходимости, перейти на регулярный, классический бой, она не сможет победить.

На этом фоне представляется, что значимость «гибридной войны» как некоего нового феномена преувеличена. Чаще всего и сегодня речь идет о тактике ведения партизанской войны, хотя ныне это понятие трактуется максимально широко. В случае такого максимально расширенного толкования есть опасность не просто впасть в крайность, но и обесценить само значение термина, так как с теми или иными натяжками к подразделениям, ведущим ИВД, можно отнести и любую преступную и иную негосударственную вооруженную группировку и полугосударственные военизированные формирования. Показательно, что многие теоретики предпочитают рассматривать ИВД как войну, некоторые – как отдельный вид военных действий, иные квалифицируют ИВД как особый феномен военной-политического противостояния, не говоря уже о более экзотических и нереалистичных трактовках.⁵ Слово «иррегулярный» здесь одновременно и к месту, и не к месту. Любое новое явление со временем регламентируется, хотя, с другой стороны, отсутствие регулирования того или иного вида активности, в т. ч. военной, военно-политической или военизированной (полувоенной), не означает, что он не востребован на практике в определённой контекстной среде.

В этом контексте «гибридная война» – это не столько противостояние «старой» и «новой» войны, сколько этап, который совпал с переменой эпохи и сменой поколений войн, переход, в котором есть проявления войн и старых, и нового поколения.⁶ В данном материале предлагается не столько сосредоточиться на сочетании регулярных и нерегулярных методов ведения войны (в котором самом по себе нет ничего нового), сколько попытаться уловить тот инновационный потенциал, который может содержаться в современном понятии «гибридная война» и отчасти объясняет появление и широкое распространение этого термина в настоящее время.

II.

Современный переходный период в военной истории открывает немало вопросов относительно следующего «поколения войн». Некоторые специалисты утверждают, что революция в военном деле может привести даже к бескровным войнам. В то же время ограничение крупномасштабных действий войсковых соединений при все большем сосредоточении на контртеррористических действиях создает опасность укоренения ложных представлений о войнах нового поколения.

Поскольку конечной целью войны является подчинение врага своей воле, то теоретически это можно сделать и без (масштабного) насилия. В современном глобализирующемся и все более информационно насыщенном мире театром военных действий становится не только та или иная территория или регион мира, но и все активнее – внутренний мир человека, его сознание. Фигурально выражаясь, полем битвы в современном мире все чаще становятся именно человеческие умы и сердца, в том числе в рамках нарождающихся кибервойн и иных операций и методов воздействия на сознание и чувства человека.

Современная нестабильная, динамичная, фрагментированная среда и природа вооруженного насилия и конфликтов не только не ясна для обычного человека, но и зачастую воспринимаются неадекватно органами национальной безопасности. Системы безопасности во многих случаях не всегда в состоянии бороться с небольшими организациями, не имеющими четко выстроенной структуры и/или действующие без четкого направления. Третье и четвертое поколение войн и систем обороны построены на ожидании противостояния крупному, могущественному, хорошо организованному врагу. Однако развязывание современных войн и конфликтов все чаще происходит по небольшим трещинам в системах безопасности. Степень проблем при взаимодействии с гибкой и нечеткой логикой кажется незначительной, но даже мощные государственные и блоковые системы оказываются в проигрышном положении в условиях возникающих узлов конфликтов, как наглядно продемонстрировали примеры Сирии, Ирака, Афганистана и т. п.

В настоящее время наиболее интенсивные и масштабные военные операции становятся все более краткосрочными, а востребованность компактных, мобильных и быстро действующие сил и подразделений растет. Даже крупные державы все чаще осуществляют прямое военное вмешательство «чужими руками» (как в 2001–2003 гг. в Афганистане и Ираке, в 2011 г. в Ливии, а также на севере Ирака и Сирии в 2014–2016 гг.). Западные армии осуществляли массовые удары с воздуха, а наземные боевые операции проводили так называемые добровольцы, которые не являлись регулярными войсками, а представляли собой заинтересованные боевые единицы, в подготовке которых участвовали в т. ч. западные страны, особенно США. Эти нерегулярные группы и формирования получали данные разведки, им предоставлялось соответствующее оружие и боеприпасы, но регулярными войсками они не были, и чаще всего не были объединены в единую группу. Такие небольшие группы могут вести военные действия относительно долго, как показывают примеры американских частных военных компаний в Ираке и военизированных формирований на Украине, в

частности, в восточных регионах («ополченцы», с одной стороны, и праворадикальные «добровольческие батальоны», с другой).

В таких условиях бои происходят в основном вдоль основных и связующих дорог, окружающих города и населенные пункты, а боевые действия носят очаговый характер. В основном происходят быстрые маневры, требующие высокой скорости, более профессиональной подготовки и нестандартных действий от подразделений и родов войск. Тем не менее, классические боевые действия не исчерпали себя. Когда плотность боевых действий, масштабы территорий, задач меняются, они начинают приобретать более регулярную основу, хотя и не классический регулярный формат. Возникает некий синтез классической и иррегулярной форм боевых действий, который станет базовым для будущей войны.

Очень часто иррегулярные группы намеренно действуют отдельно, меняют названия, места дислокаций, командиров. Ответственность за действие, сделанное одним, возьмет на себя другой, тем самым становясь менее уязвимыми. В таких войнах часто трудно определить победителя и побежденного, начало и конец. Эти военные действия, безусловно, похожи на обычную партизанскую войну, но не являются ее точным копированием. Китайские военные теоретики такие войны называют «безграничными военными операциями»⁷ (впрочем, сложно сказать, насколько точно этот термин описывает войны нового поколения, так как и в прошлом было много войн, где военные операции не ограничивались какими-либо границами или правилами). Подобные войны с участием неравноправных субъектов и при наличии иррегулярных действий могут длиться сколь угодно долго.⁸

В то же время эти «неинтенсивные» конфликты, проходящие в нескольких местах, могут быть связаны решением стратегической задачи для участвующих в них государств и блоков: иными словами, они могут служить компонентами более широких стратегических операций, нацеленных, например, на изматывание и ослабление конкурентов. Поэтому серия, или дуга, малых войн в региональном и/или межрегиональном контексте в определенном смысле и при определенных условиях может рассматриваться как своеобразная «гранд война» XXI века.

Человеческий фактор играет важную роль во всех типах военных действий, в том числе и в войнах нового поколения. Моральный дух и в наши дни является важной составляющей их эффективности. Однако в длительном иррегулярном конфликте он способен стать *решающим* в буквальном смысле слова.

В целом, в «гибридных», или переходных, войнах соответствующие боевые единицы имеют следующие особенности:

1. неклассическая структура подразделений и их численность;
2. подразделения с быстрым изменением статуса его членов – переходом из гражданского статуса в военный и обратно;
3. отсутствие четкого иерархического подчинения командующему;
4. отсутствие четкой тыловой и технической системы поставок;
5. во время боевых действий отсутствие четкой линии боевых позиций, преобладание локализованных действий в непосредственной близости от объектов и систем инфраструктуры (транспортных путей и т. п.);
6. децентрализованные действия;
7. широкое применение быстрых маневров;

8. применение ограниченного числа видов войск;
9. гибкость действий при переходе от классических боевых действий к партизанским или диверсионным действиям и обратно;
10. минимальное применение классического общевойскового боя, но готовность к его использованию при необходимости;
11. динамичное изменение планов тактических и оперативных действий, высокая степень оперативной гибкости, при сохранении основных установок.

Таковы главные особенности, которые отличают современные гибридные войны и ИВД от военных действий предыдущих поколений, в т. ч. от партизанских операций. Необходимо учитывать, что если первые пять или шесть перечисленных пунктов еще схожи с характеристиками классических партизанских действий, то в следующих пунктах подчеркнуты новые элементы, связанные, прежде всего, с синтезом старой и новой войны и повышением гибкости военной машины. Партизанские действия предполагают, что после атак активные группы, как правило, не закрепляются в занятой области, в то время как во время иррегулярных операций, как правило, имеет место закрепление на освобожденной территории. На практике число и характер различий между более традиционными партизанскими и контрповстанческими операциями, с одной стороны, и современной гибридной войной, с другой, могут быть еще более значительными и продолжат усиливаться.

III.

По своей природе будущие войны, скорее всего, будут носить смешанный сетеплатформенный характер (сетецентричный и платформенный одновременно) в сочетании с электронно-огневыми, информационными и психологическими операциями.⁹ Это и станет основой боевых действий оперативного уровня. Иррегулярные военные группировки в таких случаях будут брать на себя все бóльшую, если не основную, тяжесть войны, в отличие от операций тактического характера, где также будут иметь большое значение информационное и психологическое воздействие.

Со временем – в частности, с развитием нанотехнологий – средства, построенные на других физических принципах, смогут обеспечить ударные свойства другого уровня. В эту категорию могут войти уже сегодня активно развиваемые средства инкапситаии – т. е. лишь ранящие и делающие воинов временно не боеспособными. Широко испытываются также различные виды нелетального оружия, в т. ч. методы лазерного поражения.

При переходе к новому поколению войн, войны предыдущих поколений не исчезнут полностью. Часть их аспектов и характеристик передастся новым войнам. Такие боевые характеристики и средства войн третьего и четвертого поколения, как боевые и огневые действия, танки, артиллерия и т. д., не исчезнут. Эскалация и возрастание интенсивности военных действий в отдельных случаях даже может способствовать частичному возвращению к классической войне.

Новые войны уже классифицируются как вооруженные конфликты шестого поколения. То, что считается актуальным сегодня, стремительно устареет завтра. В целом основные особенности будущих войн и боевых действий, как представляется, могут быть сведены к следующим основным характеристикам.

1. Ускоренное развитие все острее ставит проблему форсированного решения политических или военных задач во все более динамично меняющихся условиях. Усиливается риск и возрастает цена запаздывания, а уже подготовленные решения все быстрее устаревают. Командир любого звена должен принимать решения все быстрее и точнее. По той же причине будут все чаще возникать дополнительные проблемы с войсками, резервом, оружием, боеприпасами и т. д.

Регулярные силы сохраняют бóльшую роль, чем резерв, так как они, безусловно, будут находиться в динамике. Современная американская армия уже начиная с 5-го поколения войн использует в основном имеющиеся основные средства нападения, без дополнительных мобилизаций и централизации, что стало новшеством в военном деле. Таким образом, не требуется накопления дополнительных оперативных сил для того, чтобы нанести удар. Одновременно, однако, все более затруднительным становится внезапное, неожиданное начало относительно масштабных регулярных военных действий, так как современные технические средства дают возможность непрерывного отслеживания действий соперника. Это, впрочем, в меньшей степени относится к операциям с преобладанием или существенной ролью ИВД.

1. Во время крупных или средних по интенсивности боестолкновений, военные действия будут развертываться на основном, оперативном уровне, где будет доминировать электронно-огневой бой и стороны будут стремиться к наращиванию явного преимущества в силах и средствах. Однако допустимо и использование обычных сухопутных сил в различных модифицированных форматах для решения комплексных задач как военного, так и невоенного типа. Именно тогда роль резерва может вновь стать первостепенной, но только в случае, если мобилизация проводится максимально быстро и параллельно с основными операциями.

2. Часто, во время тактических операций, небольшие подразделения по тем или иным причинам, в т. ч. в силу просчетов в планировании и ошибочных действий на оперативно-тактическом уровне, могут быть отделены от главных сил, что требует хорошей оснащенности малых подразделений и специально подготовленного персонала, а также младшего командного состава. Используя новые виды оружия, эти мелкие подразделения смогут решать такие задачи, какие в настоящее время решают войсковые соединения. В то же время нерегулярные действия не сумеют полностью заменить действия оперативного уровня.

3. В условиях, когда боевые действия все чаще ведутся вблизи или непосредственно в населенных пунктах, вблизи дорог, мостов, аэропортов и т. п., в физической приближенности к гражданскому населению, а граница между операциями военного и невоенного типа все сильнее размывается, роль мер по «завоеванию сердец и умов» мирных жителей продолжит расти.

4. Поскольку в иррегулярных военных операциях могут участвовать нерегулярные силы, таким подразделениям необходимо работать с повышенной осторожностью, обращая особое внимание на разведку, минирование, работу снайперов.

5. Понятия фронт и тыл станут более абстрактными, а боевые действия могут вестись «управляемо децентрализованно».

6. На младший и средний командный ложится возрастающая ответственность, поскольку они должны принимать практические решения по вопросу уничтожения той или иной цели. Командир даже младшего и среднего звена должен иметь не только военные навыки, но и технические, политические и другие знания.

7. Военные подразделения должны быть максимально подвижными: например, вместо танков могут быть использованы гранатометы, некоторые виды ракетных средств и самоходные современные минометы. Классическая артиллерия и залповые орудия отойдут, скорее всего, на задний план.

8. В иррегулярных боевых действиях остро встанет вопрос о сотрудничестве не только подразделений, но и отдельных бойцов, о связи и управлении, поскольку повсеместное наблюдение может отсутствовать.

9. В иррегулярных военных операциях особенно сложными становятся вопросы обеспечения боевых подразделений. В некоторых ситуациях боевые подразделения должны будут действовать без какой-либо дополнительной поддержки, используя только имеющиеся средства, по принципу «сам по себе». А иногда, наоборот, боевому подразделению может быть выделено одно или два подразделения обеспечения (особенно с учетом того, что в нестандартных условиях – например, входе военных действий в горах и в городах, без дополнительной поддержки боевую задачу решить невозможно).

10. Поскольку войска пока в основном применяют традиционное вооружение, для них все более важную роль будут приобретать иррегулярные военные действия, воздушные удары, снайперский огонь и использование автоматизированных боевых единиц-роботов. Если какое-либо государство быстро создаст систему вооружений, которая станет прорывом на иных уровнях, это побудит и другие державы к ускоренному внедрению соответствующих видов техники. Такими могут, в частности, оказаться электромагнитное, звуковое, световое, неврологическое, психологическое и другие виды оружия.

11. С одной стороны, будущие войны продолжат регрессировать по масштабу и интенсивности и перестанут быть всенародными. С другой стороны, в войну все более активно будут включены различные государственные и негосударственные системы, например, информационно-пропагандистские структуры. В условиях растущей роли телевидения и СМИ, органов культуры, образования и других учреждений на формирование информационно-психологического климата, вооруженные силы должны активнее включать их в сферу своих координат и контактов.

12. Соответствующие структуры в системах государственных ВС должны быть пригодны для ведения всех видов активных действий в ситуации любой сложности и, несомненно, должны быть профессиональными.

Будущие войны созревают постепенно, и хороший военный стратег обязан своевременно зафиксировать намечающиеся тенденции, вовремя сориентироваться на них. Он должен уметь адекватно оценить цепную связь между последними техническими достижениями и новыми тенденциями и возможностями военного противостояния. Если во время войн четвертого

поколения необходимо было иметь мощные наземные войска, вооруженные силы быстро маневрировали и наносили удары, то уже в войнах пятого поколения эти правила изменились. Если одно из основных правил действий крупных группировок войск в ходе Второй мировой войны: «Хочешь победить – не останавливайся, двигайся быстрее», то в 1982 г. в долине Беккаа уже господствовала новая формула: «Не двигайся, если хочешь остаться в живых». В наши дни в силу вступают иные правила и девизы. Еще в начале XX в. американские бомбардировщики 70% своих ударов наносили по неподвижным мишеням. В ходе последующей фазы действий США в Ираке (по данным на 2014 г.) почти все авиаудары наносились по мобильным, фрагментарным целям, имеющим мало общего со скоплениями регулярных наземных сил и крупными военными объектами. Сегодня преобладает убежденность, что «наступило время воевать быстрее» – т. е. если и двигаться, то «быстро, опережая время».

Времена меняются, а с ними меняются и войны. Это в равной степени относится к сфере регулирования вооруженных конфликтов и предотвращения современных войн, со всеми их «гибридными» и террористическими модификациями. В этой сфере – возможно, более чем в какой-либо другой – следует действовать с максимальной установкой на опережение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Callwell Ch.E. *Small Wars: A Tactical Textbook for Imperial Soldiers*. – Novato, CA: Presidio Press, 1990. P. 21.

² U.S. Marine Corps Combat Development Command. *Tentative Manual for Countering Irregular Threats: An Updated Approach to Counterinsurgency Operations*. June 2006. – Quantico, Va., 2006. P. 1.

³ Painter D.J., Weaver M.C., White S.C. *Reorganizing for Irregular Warfare*, Naval Postgraduate School Thesis. – Monterey, CA, December 2009. P. 20–70.

⁴ Gray C.S. *Irregular warfare: one nature, many characters* // *Strategic Studies Quarterly*. Winter 2007. P. 35–57.

⁵ U.S. Department of Defense. *Department of Defense Directive 3000.07*. U.S. Department of Defense. JOC, Version 2.0. P. 17; Pedersen R. *Irregular warfare: operational theme or full spectrum operation?* // *Small Wars Journal*. 2009. P. 6–7.; Evans E. *Ethnicity and politics* // *World Affairs*. V. 160. № 1. Summer 1997. P. 43; Maxwell D. *Unconventional warfare does not belong to special forces* // *War on the Rocks*. 12 August 2013.

⁶ Kaldor M. *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. 3rd ed. – Cambridge: Polity Press, 2013.

⁷ Liang Q., Wend Xiangsui. *Unrestricted Warfare: Assumptions on War and Tactics in the Age of Globalization*. – Beijing: People's Liberation Army Literature and Arts Publishing House, 1999.

⁸ Borum R. Seven pillars of small war power // *Military Review*. July-August 2011. P. 35–45; Mitchell K. Ungoverned space: global security and the geopolitics of broken windows // *Political Geography*. V. 29. 2010. P. 289-97.

⁹ В США и других странах Запада еще с конца 1990-х гг. развивалась теория сетецентрической войны (“network-centric warfare”). По мнению автора, сетецентрическая и платформенная война все более сближаются и со временем, возможно, сольются. В то же время классическая общевойсковая операция и бой, под воздействием новых систем разведки, управления и уничтожения, трансформируются в электронно-огневой бой.